

«О́че нашъ» – Молитва Господня

Глава первая

Богословие Слова или философия хаоса

Христианское религиозное мировоззрение нельзя назвать ни полностью богословским, ни чисто философским. Оно представляет собой созвучное объединение богословия и философии, веры и знания, причем не вера должна рационализироваться, а сама философия должна поглощаться верой. В созерцаниях Творца не стоит искать опоры в неоспоримых данных рассудочного сознания. Тайна бытия, не сводима к функциональным определениям или математическим построениям. Смысл тайны скрыт не в интеллектуальных концепциях, а в таинственных фактах внутреннего мистического опыта, возвышающегося над пределами естественного и чувственного познания. Способность и влечение к религиозному познанию вложена в душу каждого человека и осуществляется оно в таинственном акте веры, исходящей из недоказуемых начал, и действует гораздо с большей степенью убедительности, чем дают восприятия чувств и построения ума. Но это не значит, что религиозное восприятие мыслит вне логических норм взаимосвязи, вне причинно-следственной зависимости, исходных принципов и системных отношений.

В своих высших проявлениях - это мистическое и таинственное познание дается в опыте христианских святых, которые своим подвигом и молитвой смогли приблизиться к подлинной истине. Всякое познание, стремящееся к истине, должно убедиться в недостаточности для этой цели не только чувственного, но и мысленного познания. Рациональное познание может постигать только внешнюю, вещественную часть мира. Религиозное познание открывает под внешними формами бытия его подлинную духовную, непостижимую и необъяснимую сущность.

Рациональный ум бессилен перед такой высшей реальностью, которая доступна уму только в виде умозаключений, но которая остается непостижимой и постоянно избегает всякой попытки охватить с помощью человеческой мысли. Законоположенная чистым интеллектом мысль, произвольно выхватывает из кажущейся метафизической неопределенности, те или иные составляющие трансцендентного поля, из которых конструируются, достаточно произвольные, рациональные концепты. В свою очередь эти относительные и неустойчивые концепты часто выдаются за высшие проявления духовного знания.

Сам метафизический горизонт с точки зрения чистого интеллекта представляет собой неопределенный и безликий Абсолют. Для разума, пребывающего только в условиях внутренней законоположенности, Абсолют есть неопределенное наличие потенциальных концептов. Чистое мышление извлекает из неопределенности, свои определения, оно есть как бы срез безличности или хаоса, где всякая реальность растворяется в потенциальной непроявленной бесконечности. Неопределенность порождает ноуменальные планы в их особенности и уникальности. С точки зрения чистого знания есть некий всеобщий непроявленный, но сущностно единый «примордиальный» горизонт, из которого, как из единого источника, возникает все разнообразие ноуменальных построений. Между этими интеллектуальными

«пониманиями» существуют различие, но не противоположность. При всех внешних противоречиях рациональных составляющих, они объединены неким всеобщим метафизическим горизонтом, разделяющим их на множественность и дробность, но при этом связывающим их одним и тем же общим началом, происходящим из абсолютной неопределенности Ничто. В этой системе даже, на первый взгляд, не тождественные концепты имеют единство трансцендентного непроявления.

В этой связи, можно говорить о концепте Единого у Платона или декартовском - «Я мыслю, следовательно, я существую». На первый план выходит именно рациональное понимание (*conceptum*). Понимание бытия сводится только к различению мыслящей субстанции и субстанции протяженной или к различию между разумом и бытием. Призрачную ясность и конечность бытия определяет «понимание ясного и внимательного ума, настолько легкое и отчетливое, что не останется совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем...»¹. Человек ограничен своими познавательными действиями и чувственными ощущениями, где можно только сомневаться, мыслить и как, следствие этих двух составляющих, существовать. «Сомнение» в силе собственного произвольного мышления есть единственное отношение относительного определенного к проявленному из абсолютного и бесконечного.

Тварный ум должен допустить нечто недоступное и сокровенное, нечто выходящее за пределы субстанции собственного восприятия. Высшую реальность невозможно объяснить, ее можно и необходимо охватить и остановить в чувственном потоке только с помощью веры и молитвы.

Один из основоположников Возрождения византийский философ и богослов Варлаам Калабрийский считал, что познание Бога не может существенно отличаться от естественного познания существ. Любое соприкосновение с Божественной реальностью возможно только в качестве умопостигаемых символов. Возможность воображения (то *φανταστικόν*) единственно возможная связь между Божественным и тварью, и что соединение с Богом может быть только умственным или символическим постижением Бога. Творец познается только посредством тварных символов. Человек, по мнению Варлаама, может постичь Бога с помощью рационального символического восприятия

Категории символизма составляют основу Ветхого Завета. Из всех людей только пророк Моисей мог увидеть Божественный свет в его реальности без символических посредников. Скиния Моисеева была символом и «предображала», что «ипостасная сила Божия Сама некогда соблаговолит соделаться скинией, что пресущественное и безвидное Слово соединится с видимостью и сущностью... Эти символы – скиния и все относившееся к скинии, священство и все связанное с ним – были завесами, покрывавшими видения, которые Моисей созерцал во тьме, но сами эти видения были символами»².

После Воплощения это «сверхумное знание», дарованное одному Моисею, «принадлежит всем уверовавшим во Христа». Бог Слово – Иисус Христос доступен твари без всякого символического посредничества. «увидел [Венедикт] весь мир как бы охваченным одним-единственным лучом этого умного солнца, хотя он и не видел сущность и меру того, что видел, а лишь ту меру, к которой смог сделаться чувствительным... он не узнал, чем был этот свет по природе, но узнал, что они воистину существует, что он сверхъестественный и сверхсущностный, что он отличен от всех существ, что его бытие абсолютно и единственно и что он таинственным образом собирал в себе все существа»³.

Только через Христа, человек может открыть для себя подлинного Бога и истинную веру. По этому поводу писал св. Григорий Палама: «Одним словом нам нужно искать Бога, Который бы так или иначе был доступен для причастия, чтобы причастуясь

¹ Декарт Р. Правила для руководства ума/ Рене Декарт. Соч. В двух томах. Т. 1. М., Мысль, 1989. С. 84.

² Св. Григорий Палама. Триады. 2, 3.

³ Св. Григорий Палама Триады. I. 3. Параграф 22 // 565. 25-566. 2

Ему, каждый из нас получил, свойственным ему образом и в меру своего причастия, бытие, жизнь и обожение»⁴.

При познании явлений явленного мира нужно не ограничиваться поверхностными и сиюминутными физическими образами вещей, их чувственной видимостью. Человек должен проникнуть в скрытый глубокий смысл вещей, тогда познание каждого предмета необходимо приведет к познанию Божественного Логоса, как Первой Причины и Последней Цели всего существующего. Подобное учение о Логосе, побеждает замкнутость в наличной, данной природе, доступной грубым внешним чувствам.

В комментариях на библейскую «Песнь Песней» св. Григорий Нисский описывает мистический брак человеческой души, а также и всей Церкви с Богом. Невеста, устремляющаяся за женихом - это душа, ищущая своего Бога. Возлюбленный появляется и ускользает, как и недостижимый Творец. Чем более душа познает Бога, тем более Он от нее ускользает, и тем сильнее душа Его любит. Чем более Бог насыщает ее своим присутствием, тем более жаждет она присутствия более полного и устремляется Ему вослед. Чем более она полна Богом, тем более обнаруживает она Его недостижимость. Так душа преисполняется божественным присутствием, но все больше погружается в неистощимую, вечно непостижимую сущность.

Бегство души становится бесконечным, и в этом бесконечном раскрытии души, в котором любовь непрестанно восполняется и возобновляется, в этих «началах начал» епископ Нисский видит христианское ощущение присутствия Бога. Если бы человек знал самую природу Бога, он был бы Богом. Соединение твари с Творцом есть тот бесконечный полет, в котором чем более переполнена душа, тем блаженнее ощущает она это расстояние между нею и Божественной сущностью, расстояние, непрестанно сокращающееся и всегда бесконечное, которое делает возможной и вызывает любовь и трепет. Бог нас зовет и мы объаты этим зовом, Его одновременно открывающим и сокрывающим, и мы не можем Его достичь иначе, чем лишь именно в этой с Ним связанности, а чтобы связь эта существовала, Бог в своей сущности всегда должен в своих основах оставаться для твари недостижимым и недостижимым.

В христианском понимании не всякая «вера» или религиозно-философская традиция является подлинным раскрытием Божественной Истины. Некоторые религиозные системы, напротив, есть осквернение Творца неба и земли - «*нхъ же вѣра оскверняетъ нѣбо и землю*».

⁴ Триады 3, 2.